

СВІТОВИЙ КОНТЕКСТ

УДК – 821.161.1

Гюльнара Анвар гызы АЛИЕВА

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ БОЖЕСКОГО И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО НАЧАЛ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье говорится о том, что в философии и литературе XIX века человек в лице Человекобога Достоевского объявляет войну Богу и претендует на роль вершителя судеб мира. Достоевский критически и отрицательно относился к этой тенденции западной философской мысли. Писатель разоблачал божеские претензии современного человека и опирался на спасительную миссию православной христианской этики.

Ключевые слова: *свобода и своеволие, человекобог, Ф. М. Достоевский.*

Постановка проблемы. Для Достоевского человек был центром всего, он считал, что человек является главной загадкой жизни. Писатель говорил о том, что решить вопрос о жизни, означает решить вопрос о Боге. Основная мысль, проходящая красной нитью через все романы Достоевского, – мысль о свободе и страданиях человека. Важнейшей чертой понимания свободы у Достоевского является то, что он стремился видеть в свободе божественное происхождение. В статье раскрывается суть двух противоположных друг другу ипоста-

сей – человекобожества и богочеловека. Основной истиной о человеке является для Достоевского то, что человеку невозможно жить без Бога – и тот, кто теряет веру в Бога, тот вступает на путь человекобожества. Через судьбу своих антигероев Достоевский очень убедительно доказывает, что безбожный человек – это безумный человек.

Человекобожеский идеал рано или поздно ведет к разрушению личности. Однако пока человек жив, он может, способен вернуться к идеалу Богочеловека, то есть Христа. Когда свобода приводит человека на путь совершения зла, его свобода погибает, и он должен искупиться. Богочеловечество – это соединение человеческой свободы с Божеской свободой, человеческого образа с Божеским образом.

Анализ последних публикаций. При всем многообразии работ, посвященных творчеству Достоевского, единым мнением почти у всех критиков является то, что герои произведений Достоевского никак не являются «типическими характерами», а все перипетии судьбы, которые с ними происходят, не могут называться «типическими обстоятельствами». Критики считают, что общепризнан интерес Достоевского к исключительным личностям, которые, как правило, приходят в настоящий мир со своей абсолютно не похожей на другие концепцией, со своей идеологией. Желание изобразить человека исключительного – непохожего воспринималось как уход от реалистического метода: «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы» переполнены такими редкими и непохожими на других, исключительными явлениями. Исследователи считают, что Достоевский в каждом своем романе следует правилу – сохранить полную свободу героя в идеологическом состязании. Такая свобода достигается только одним путем – невмешательством автора в ход идеологических споров героев. Не случайно важнейшие из этих споров даются Достоевским в виде «чистого» диалога, который не содержит даже малейшего вмешательства автора. (Например, споры Раскольникова с Порфирием Петровичем и Соней в «Преступлении и наказании», Шатова и Ставрогина в «Бесах», Ивана и Алеши в «Братьях Карамазовых» и др.).

Авторы исследований по Достоевскому считают, что это дань великого писателя человеческой личности, ее свободе.

Цель статьи. Показать отношение Достоевского к человеку и к Богу. По Достоевскому, Бог проявляет Себя в самом человеке, в облике

человека, приводя в исполнение Великий нравственный закон. В свою очередь этот нравственный закон и является подтверждением существования Бога, как видим, образуется цепь – замкнутый круг. Жизнь каждого подтверждает существование Бога. Человек отвергает Бога, потому что хочет заменить Его, человек постоянно в поисках истины, правды, красоты, любви, но сам не понимая этого, стремится к абсолютной истине, к абсолютной красоте, к вечной и бесконечной любви, направленной только к нему – к Богу. Таким образом, в названных выше стремлениях человека Бог уже присутствует, и именно это присутствие объясняет нестерпимое напряжение, в котором живут персонажи, поставленные в крайние тяжелые обстоятельства.

Изложение основного материала. Главная мысль романов Ф. М. Достоевского – это мысль о свободе, о страданиях человека. Важнейшей чертой понимания свободы у Достоевского является то, что он стремился видеть в свободе, в какой бы форме она не проявлялась, самое существенное – его божественное происхождение.

Такие герои Достоевского, как Раскольников в «Преступлении и наказании», Иван Карамазов в «Братьях Карамазовых», Петр Степанович Верховенский, Кириллов, Ставрогин в «Бесах» и др., – это люди, отличающиеся не только своим крайним индивидуализмом и своеволием, в то же время это люди мысли, люди «идеи». Через эти образы Достоевский пытается показать раздвоенность их сознания, проявляющуюся в страстном желании человеком слепой свободы, соединенной с голым (лишенным нравственных основ) разумом, и неизбежно, по тайной внутренней логике ведущей к сотворению зла.

Основной истиной о человеке является для Достоевского то, что человеку невозможно жить без Бога – и тот, кто теряет веру в Бога, тот вступает на путь человекобожества. Через судьбу своих антигероев Достоевский очень убедительно доказывает, что безбожный человек – это безумный человек. Чтобы потерять веру в высшего Творца, в Бога надо быть безумным.

Человекобожеский идеал рано или поздно ведет к разрушению личности. Однако пока человек жив, он может, способен вернуться к идеалу Богочеловека, то есть Христа. Когда свобода приводит человека на путь совершения зла, его свобода погибает, и он должен искупиться. Богочеловечество – это соединение человеческой свободы с Божеской свободой, человеческого образа с Божеским

образом. Если человек воспринимает себя как образ и подобие Божие, то он становится на путь Богочеловеческий.

Герой «Бесов» Кириллов не верил в Бога, но обладал чувством справедливости, мощным интеллектом и не имел ненависти к людям, готов был пожертвовать собой ради людей. Он винил в несчастье человека непонимание, незнание самого человека своего счастья. Он считал, что если человек поймет, что он счастлив, то сразу станет счастливым. Свободный человек, по Кириллову, имеет саморазвитие в лучшую сторону. Это саморазвитие он видел в самоубийстве, потому что убийство другого для него самый низкий пункт своеволия. А высший пункт – это убийство самого себя. Только Кириллов, считая себя человекобогом, жертвует своей жизнью, а не жизнью других.

Достоевский, проникая в тайны человеческого духа, в его природу, раскрывает при этом глубинные основы зла, который, уничтожив свободу, мог творить бесчеловечие, эгоизм и преступления. А человек, по мнению писателя, с присущим его характеру добром и верой в Бога, может и должен противостоять злу.

Самая сложная проблема, которую пытаются разрешить герои Достоевского, это «границы» свободы. Иван Карамазов произносит знаменательные слова: «Если Бога нет, то все позволено!» Лишь ощущение свободы убеждает героев, что они существуют как личности, в то время как ущемление свободы вызывает бунт у этих же героев.

На примере Раскольникова, Ставрогина, Ивана Карамазова Достоевский доказывает, что свобода оборачивается произволом, если она обретена собственным умом, вопреки Божеской истине. Недопустимо использование даже ничтожной старухи-процентщицы как средства для достижения самой благой цели. Человеческая жизнь, человеческая свобода являются величайшими ценностями, и никто не имеет права распоряжаться по своему усмотрению, и нельзя ценой чужой жизни, чужой трагедии обрести счастье или даровать его людям.

Считая себя свободным, человек на этом пути приходит к своеволию, от которого рождается всякое зло, а вслед за ним и преступление. Свободный человек, своевольничая, не хочет уже знать никаких святынь, никаких ограничений, преступает границы дозволенного. Нравственный долг человека и нравственная его свобода определяются совсем не целью, которой он подчиняет свою жизнь, а душой, из которой вытекает его нравственная жизнь и де-

ятельность в мире. «Средства», которыми пользуется человек, также важны, как и цели, которые он преследует, ибо они также свидетельствуют о душе человека. Если человек стремится к свободе путем насилия, к любви путем ненависти, к братству путем раздора, к истине путем лжи, то возвышенная цель этого человека не может оправдать его низменные, преступные поступки.

Когда свобода у человека переходит в своеволие и становится безбожной свободой, то происходит раздвоение личности, его раскалывание. В этом случае: «Человек волен пойти путем самоподчинения себя высшим божественным началам жизни и на этой почве укрепить свою человеческую личность и волен подчинить и поработить себя другим, не божественным и не человеческим, а злым сверхчеловеческим началам», – отмечает Н А Бердяев [1,142].

По мнению Достоевского, вопросы жизни и смерти находятся за пределами человеческой компетенции. Человеку не дано судить другого человека не только потому, что он всегда несовершенен, но и потому, что он просто лишен такой способности и такого права. Человек властен только над собой, и он обязан думать о спасении собственной души, а не о власти над чужой судьбой. Прежде всего человек должен бороться со злом, находящимся внутри него. Ставя перед собой задачу бороться со злом внешним, он вступает в такую область, которая ему неподконтрольна.

При совершении доброго дела человека ожидает искушения и он должен быть готов к всем этим испытаниям. Добро – это точка опоры в человеческом существовании. Если добро является основанием для гармонии в мире, то зло является основанием дисгармонии. Философское миропонимание Достоевского заключалось в поисках путей достижения гармонии в человеческом бытии, и понятие человека и его бытия доведено им до бытия Бога и Богочеловека.

Достоевский в романе «Братья Карамазовы» показывает, что и у человека Божьего, и у человека гуманного тоже в сердечке может сидеть черт. Иван открывает, что у Алеши, у человека Божьего, тоже «бесенок в сердечке сидит», а Лиза говорит Алеше: «Мне иногда во сне снятся черти, будто ночь, я в моей комнате со свечкой, и вдруг везде черти, во всех углах, и под столом». Когда у нее в душе черт, то она желает беспорядка, желает зажечь дом, желает разрушать себя. Лиза понимает ужас своих желаний, в тоже время

не может им ничего противопоставить. Такое душевное состояние суть результат забвения Бога. В душе человека всегда есть место для Бога. Когда это место пустует, то его занимает черт. Иван хотел быть самостоятельным без Бога, любить и ненавидеть по-своему, а на самом деле получилось иначе. Освободившись от Бога, он попал в руки черта, и его любовь и ненависть превратились в сатанизм.

Достоевский, разбирая характеры своих героев, приводит читателя к мысли о том, что расстраивание, раскалывание целостности человеческой личности и ее обезличивание происходят не с помощью таинственной силы зла, а через потерю Божеского начала в своей душе. Черт не самостоятельная сила. Он есть отсутствие Бога, он там, где нет Бога. Точно также и зло не есть субстанциальная сила, оно есть отсутствие добра, как тьма не есть физическая сила, а суть отсутствие света. Эта философия средневековых теологов вполне применима к Достоевскому. Поэтому черт Ивана исчезает, как только там появляется Алеша Карамазов. Наоборот черт появляется, как только исчезает Смердяков.

В образе Ивана Карамазова мы видим наиболее живую и реальную картину этого расщепления целесообразности человеческой личности. Очень реалистически описывается зарождение злого начала в Иване Карамазове, которое, постепенно развиваясь, заполняет в конце все его существо и превращает его в свое орудие. Н. Бердяев отмечает: «Человек волен пойти путем самоподчинения себя высшим божественным началам жизни и на этой почве укрепить свою человеческую личность и волен подчинить и поработить себя другим, не божественным и не человеческим, а злым сверхчеловеческим началам» [1, 142].

Тема противопоставления Божеского и человеческого начал у Достоевского со временем приобретает большую актуальность. Если в «Преступлении и наказании» идея веры и Бога присутствовали скрыто, то в «Бесах» и «Братьях Карамазовых» она становится одним из центральных событий сюжета произведения. Достоевский проникает в темные тайники человеческой души, чтобы раскрыть характер современного человека.

Кириллов хотел только доказать свои права на Божескую роль. Убив себя, он хотел Богом стать и рассматривал добровольное самоубийство атрибутом божества в человеке. Иван Карамазов идет еще

дальше, он восстает против мира, созданного Богом. Божий мир ему очень не нравится, ибо его не считает совершенно справедливым. Но изменить этот мир он не думает, он только отвергает его и присваивает себе право действовать по своему усмотрению, что приводит его к философии «все дозволено». Вседозволенность – это и есть бунт против Бога и против его мира. Но Достоевский мастерски доказал ошибочность этой теории и трагизм судьбы человека, восставшего против Бога. Достоевский в конечном итоге примирил Бога и человека, соединил их в едином нравственном пространстве души человека. Основной истиной о человеке остается для Достоевского то, что человеку невозможно остаться человеком и гуманистом без Бога, и кто теряет веру в Бога, тот становится (хотя бы не доходя до конца) на путь Кириллова («Бесы»), то есть ступает на путь человекобожества. Кто отвергает богочеловечество, как откровение о человеке, находящем свою полноту в Боге, тот неизбежно ударяется в другую крайность – в человекобожество...

Гуманизм в «Легенде о Великом Инквизиторе» – это лжехристианский и человекобожеский гуманизм, который предполагает, что сильные имеют право распоряжаться жизнью слабых. Человек вечно стремится к счастью и достатку, но главной ценностью на земле является не только материальные ценности, но и ценности духовные, вечные. Если у человека нет смысла жизни, нет веры во что-то вечное и кардинальное, то материальная обеспеченность не может стать смыслом его бытия. Гуманизм Инквизитора приводит к духовной смерти личности, на что может пойти только тот, кто не верует в божественную сущность человека, не знаком с законами души. Но он сам не понимает, что, недооценивая человека, он приходит к отрицанию Бога. Инквизитор как великий гуманист, как человекобожеский гуманист хочет дать счастье людям страдающим, слабым, но он это делает, принижая человеческое достоинство, благословляя человеческие слабости. У него на первом месте стоит гордость и самолюбие, которое, влияя на человеческую личность, может столкнуть его в пропасть, а смирение, которое по христианской этике может вознести человека на необыкновенную высоту духа, Инквизитор не принимает. В «Легенде» Достоевский показывает конфликт человека с верой, даже с Богом, и в этом философском конфликте главное место отводится свободе человека на пути достижения счастья. «С точ-

ки зрения утилитаризма, вся правда на стороне инквизитора: ведь люди счастливы в его царстве. Что с того, что они перестали быть людьми и утратили бессмертную душу? Людям нужно только счастье и его они получили. Но для кого человеческая личность, во всей своей сложности, со своей свободой совести, со своим свободным нравственным сознанием есть высочайшая ценность, тот никогда не согласится пожертвовать человеческой свободой ни для чего в мире – даже и для счастья человечества. Лучше пусть люди страдают от познания добра и зла, чем будут счастливы, отказавшись от этой свободы. Человечество существует не для счастья, а для бесконечного совершенствования личности человека; счастье же ценно потому, что оно идёт рядом с этой более высокой целью и содействует её достижению. И потому вся правда на стороне Христа. Мечта же великого инквизитора есть ложь, внушённая ему непониманием величия человеческой личности», – пишет М.И. Туган-Барановский [3, 138]. Инквизитор становится деспотом из-за неверия людям, из-за жалостливой, презрительной любви к ним, и на пути преобразования людей он становится атеистом.

В «Легенде о Великом Инквизиторе» проблема Бога и человека выводится за рамки человеческого быта и становится проблемой всего европейского христианства, всего католичества. Если бунт против Бога привел Ивана к душевной трагедии, то этот бунт Инквизитора становится причиной трагедии всего европейского человечества. И спасти Европу от этой беды, по идее Достоевского, сможет только Россия, русская православная вера и православная этика. Достоевский видит кризис и саморазрушение европейского гуманизма, когда человек, отрицая Бога и обожествляя самого себя, приходит к идее человекобожества или, как у Ницше, к идее сверхчеловека. Достоевский видит эту тенденцию, однако, показывает ошибочность идеи сверхчеловека и её гибельность для всего европейского человечества.

В русской философии проблему сверхчеловека впервые ставил Вл. Соловев в работах «Идея сверхчеловека» и «Чтения о Богочеловечестве». Он является критиком идеи «сверхчеловека», созданной в произведениях Ницше, и считает учение Ницше опасным соблазном для общества. Концепцию атеиста Ницше Вл. Соловьев считает предметом университетского преподавания, в котором отсутствует содержание. С идеей сверхчеловека, которая нашла свое воплощение

в трудах Фридриха Ницше, происходит окончательная гибель гуманизма, начавшегося с эпохи Ренессанса. По вопросу о том, являлся ли Достоевский предшественником Ницше, есть разные точки зрения. Одни исследователи считают, что Достоевский оказал влияние на философию Ницше, другие считают, что никакого влияния не было. По Н. А. Бердяеву, Л. Шестову, Достоевский являлся предшественником философии Ницше. Г. Фридендер в своей работе «Достоевский и Ф. Ницше» сообщает о том, что в 1887 – 1888 годах Ницше внимательно изучил и сделал конспект романа «Бесы» [4, 24].

«Шекспир и Ницше – это две крайности, начало и конец экзистенциальной диалектики, – писал Г. М. Фридендер, – Достоевский занимает промежуточное положение между Шекспиром и Ницше. Шекспировская личность – это осознавшая свою значимость и самоценность сила, которая задалась вопросом, можно ли обойтись без Бога и положиться только на самого себя? Жизненная практика показывает, что это невозможно. Свидетельством тому является трагический конец героев Шекспира. Ницшеанская личность – это полное и окончательное обособление человека в самом себе и полное игнорирование божественного начала. Глубоко ошибаются те, кто видит в Достоевском предшественника и учителя Ницше. Достоевский таковым не был никогда. Более того, он преодолел в своем этическом учении не только безбожие Ницше, но и гуманизм Шекспира, гуманизм воспевающий человеческое вопреки божественному» [2, 174]. Здесь можно согласиться с мнением М. Коджаева о том, что, в отличие от Ницше, Божеское начало не отрицается Достоевским, и герои Достоевского, как правило, достигают своего счастья только через веру в Бога. Эта цитата еще раз подтверждает ошибочность взглядов тех, которые видели у Достоевского предшественника Ницше. Вера в Бога и полное игнорирование существования Бога – это два противоположных взгляда. Творчество Достоевского не могло оказать влияния на формирование философии Ницше. Да, может быть, было влияние идей Достоевского на идею Ницше о сверхчеловеке, но выводы, вытекающие из этих идей не одинаковы. Достоевский не приветствует, не воспекает идею сверхчеловека (что мы встречаем у Ницше), а предсказывает трагические последствия и ошибочность этой идеи. Однако, как замечают исследователи творчества Достоевского и Ницше, едва ли

можно говорить о «единомыслии», ибо в решении основных вопросов бытия – в отношении к Богу, к человеку, к истории – Достоевский и Ницше были скорее антагонистами.

Произведения Достоевского возвращают человека к вере, через страдания он приобретает радость жизни. Через страдания, приобщаясь к Богу, у человека появляется вера в Творца. Достоевский, решая вопрос о Боге, тем самым решает вопрос о человеке. Поэтому концепцию человека и гуманизма у Достоевского можно считать дальнейшим развитием и по-своему завершением идеи гуманизма у Шекспира.

Выводы: Почти в каждом герое или героине можно увидеть черты Христа: кротость, полное смирение, беззаветная и бескрайняя любовь, безграничная доброта по отношению ко всем, духовная красота и т.д. Вся жизнь персонажей напрямую зависит от решения религиозной проблемы, поэтому проблема веры является в романах Достоевского главной и основополагающей. Все герои решают главный вопрос – есть ли Бог? Они в поиске главного. В том случае, если его нет, то нет закона, и тогда «все позволено». Отсюда и начало зла, при отсутствии закона все разлагается и миром правит исключительная ложь и эгоизм, противопоставляющие одних героев другим, отсутствие закона разрешает разорвать самое святое – семейные узы и побуждает сына желать смерти отцу. По мнению Достоевского, прежде всего человек должен бороться со злом, находящимся внутри него. Ставя перед собой задачу бороться со злом внешним, он вступает в такую область, которая ему неподвластна.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. Мирозерцание Достоевского // Бердяев Н. Русская идея. – Харьков – М., 1999. – С. 243-395.

2. Коджаев М.К. Гамлет и Раскольников. К проблеме гуманизма у Шекспира и Достоевского // Коджаев М. К. Образы и характеры в литературе. – Баку: Мутарджим, 2009. – С. 133-143.

3. Нравственное мировоззрение Достоевского // Туган-Барановский М. И. О Достоевском. – М., «Книга» 1990. – С. 230

4. Фридендер Г. Достоевский и Ф. Ницше // Достоевский и мировая литература. – М., Худож. лит., 1979.

Одержано редакцією – 18.11.2015
Прийнято до публікації – 10.12.2015

Summary. *Aliyeva Gulnara Anvar. Contrasting of Human and Divine Initiations in Dostoevsky's creativity. The article says that in the philosophy and literature of 19th century a human in the person man-god-Dostoevsky declares war against God and claims to be master of destinies. Dostoevsky thought of this tendency of western philosophical thinking critically and negatively and confined himself to disclosure of divine claims of a modern human and relied on saving mission of Christian ethics.*

Keywords: *freedom and independence, human-divine, F. M. Dostoevsky.*

УДК 821.131.1'06

Наталя КОВАЛЬ

ШОВКОВІ ПЕРЕЛИВИ СЛОВА

Майстерність поєднання рефренів і художніх деталей
у романі Алессандро Барікко «Шовк»

Віртуозне володіння художньою деталлю – одна з ключових ознак професійної досконалості літератора. Майстром цього прийому в сучасному письменстві є італійський прозаїк Алессандро Барікко. У статті проаналізовано функціонування художніх деталей у його романі «Шовк».

Митець майстерно поєднує деталі з рефренами. Цей прийом дає змогу створити легкий і невагомий текст, який відповідає назві твору і справді нагадує шовкову тканину. При цьому рефрени скидаються на м'які заломы матерії, а художні деталі роблять кожен із них особливим. Деталізація надає творові емоційності та спонукає читачів до співтворчості.